

Вероятно, тогда она бежала быстрее всего в жизни.

Мозг Хань Линфэй был пуст. Главарь банды и его подручные гнались за ней по пятам, но на улице никто не протянул ей руку помощи. Хань Линфэй была почти в отчаянии и сама не заметила, как добежала до дома Линь.

Возможно, большинство детей в опасности в первую очередь думают о своей матери. Хань Линфэй когда-то возила свою мать на велосипеде к дому Линь, поэтому инстинкт привел её сюда.

Она стояла у железных ворот дома Линь и умоляла охранника открыть их. Услышав шум, вышел дворецкий. Увидев её в грубой одежде, перепачканную грязью, он скривился от отвращения, а услышав имя её матери, лицо его исказилось еще больше.

— Ты разве не знаешь, что твою мать уже выгнали из дома Линь? — дворецкий смотрел на изможденную Хань Линфэй с холодным высокомерием. — Она соблазнила друга господина Линь, и жена этого человека пришла разбираться, доставив семье Линь столько хлопот. У тебя хватает наглости приходить сюда? Убирайся!

Эти слова повергли Хань Линфэй в бездну отчаяния.

Она действительно ничего не знала об этом и не знала, что её мать была замешана в связи с женатым мужчиной.

Однако позже Хань Линфэй всё же удалось укрыться в доме Линь ровно в тот момент, когда бандит собирался её схватить...

— Это ты открыла мне дверь, — сказала Хань Линфэй, повернувшись и посмотрев на Линь Санью. В её глазах плескалось что-то неуловимое.

Тот дворецкий, по-видимому, был родственником семьи Линь и занимал высокое положение. Когда Линь Санью потребовала впустить Хань Линфэй, он даже позволил себе сделать ей мягкое замечание. В итоге Линь Саньюй пришлось самой бежать открывать.

— Ты тогда была такой маленькой и хрупкой, казалась такой слабой. Открывая дверь, ты так старалась, что даже покраснела от натуги. Это было очень... мило, — Хань Линфэй погрузилась в воспоминания, и её голос стал невероятно мягким.

— Когда мама была беременна мной, у папы в компании были большие трудности, и мама почти ничего не ела. Поэтому я родилась очень маленькой, говорят, даже меньше некоторых недоношенных детей. Но родители говорили, что я их счастливый талисман: в день моего рождения дела компании пошли в гору.

Линь Саньюй гордо подняла голову, а Хань Линфэй, глядя на её смеющиеся глаза, мысленно добавила: «Да, действительно, очень мило...»

Неожиданное требование Хань Линфэй поставило Юй Биньвэя в тупик.

Если бы она хотела понты и привилегии, то могла бы позволить себе это много лет назад, когда завоевала титул киноимператрицы. Но до этого она никогда не закатывала сцен и работала добросовестно, в отличие от многих других знаменитостей.

Разве Хань Линфэй не понимала, что её поступок может испортить репутацию в индустрии?

Хань Линфэй больше не брала трубку, и Юй Биньвэю ничего не оставалось, как сообщить эту новость главному инвестору фильма — Син Цзыминю. На этот раз Син Цзыминь неожиданно легко пошел навстречу, предложив просто снимать сцены без участия Хань Линфэй, и больше ничего не сказал.

В следующие дни съемки фильма «Свет дня» продолжались в напряженном ритме, и в итоге у Су Е остались только сцены с Хань Линфэй.

А Хань Линфэй, как говорили, в это время любовалась ночными пейзажами на Филиппинах, так что Су Е тоже оказался в вынужденном отпуске на несколько дней.

Этот отпуск лишь укрепил в Су Е мысль, которая уже несколько дней крутилась у него в голове.

— Ты хочешь поехать? — Син Цзыминь нахмурился. Обычно он сохранял абсолютное спокойствие даже перед лицом катастроф, но теперь, казалось, столкнулся с очень серьезной проблемой, и его лицо выражало колебания.

— Ты так долго снимался, должно быть, устал. Отдохни эти несколько дней, ладно? — Син Цзыминь, вероятно, только с Су Е был так мягок, говорил убеждающе, превосходно скрывая свойственную людям власти властность.

Су Е понимал опасения Син Цзыминя. Место, куда он собирался, было опасным, и малейшая неосторожность могла стоить ему жизни.

Когда киноимператор Джереми предложил сыграть главную роль в «Свете дня», Син Цзыминь был в командировке за границей, но вернулся через несколько дней. Тогда Су Е не придавал этому значения, но позже узнал, что Син Цзыминь вернулся, чтобы расследовать дело Джереми.

Син Цзыминь верил, что Су Е не тот человек, который действует безрассудно и самонадеянно. Раз он отказал Джереми в главной роли, причина явно не в том, что он боялся, будто Джереми затмит его.

Значит, проблема была в самом Джереми.

Он верил Су Е, но агент Су Е, Ло Цайцзе, вряд ли был того же мнения. Хотя Ло Цайцзе не был мелочным человеком, который смешивает личное с рабочим, этот инцидент неизбежно испортил его впечатление о Су Е.

Поэтому Син Цзыминь вернулся раньше времени, чтобы выяснить, в чем проблема с Джереми.

Как и писали СМИ в прошлой жизни, Джереми не только употреблял наркотики, но и действительно был связан с наркоторговцами. Поэтому расследование Джереми могло привлечь внимание наркоторговцев и даже навлечь их гнев.

Насколько велики эти силы, Син Цзыминь пока не знал. Ради безопасности он не задействовал ресурсы корпорации «Син», а выбрал личное расследование.

И уж тем более он не хотел подвергать Су Е опасности.

— Может, тебе лучше вернуться на съемочную площадку в ближайшие дни? Если будут замечания, можешь обсудить их с режиссером Юй Биньвэем. Ведь ты автор, и возможно, твое

понимание истории лучше, чем у него, — мягко сказал Син Цзыминь, но отказ в его словах звучал очевидно.

Су Е не хотел отступить. В его взгляде было больше решимости, чем когда он играл генерала Сюань И, стоя перед высокими и крутыми горами.

Так же, как Син Цзыминь не хотел, чтобы он рисковал, он не хотел, чтобы Син Цзыминь рисковал один. Он чувствовал, что не будет обузой для Син Цзыминя, в опасности они могли прикрыть друг друга. К тому же, он перерожденец — возможно, это пригодится.

— Со мной ничего не случится. Поверь мне так же, как поверил мне при выборе на главную роль в «Свете дня», хорошо? — Су Е смотрел на Син Цзыминя, его глаза горели ярким светом.

Син Цзыминь замер, долго глядя в глаза Су Е.

Наконец, его обычно холодное лицо постепенно озарила игривая и насмешливая улыбка. Он приподнял бровь и, глядя на Су Е с полуулыбкой, полусерьезно произнес:

— Так сильно хочешь поехать? Тогда поцелуй меня.

Син Цзыминь менял выражение лица с невероятной скоростью. Су Е замер на мгновение, прежде чем пришел в себя.

Он посмотрел на Син Цзыминя, который сейчас казался полной противоположностью своему обычному суровому и величественному образу, и не смог удержаться от улыбки, затем приблизился к нему.

Однако Су Е не поцеловал Син Цзыминя, а сильнее прижал его к дивану и сам навис над ним.

Су Е окружил Син Цзыминя своим телом, прижав его к дивану, а на его губах появилась загадочная улыбка. Он смотрел на лежащего под ним Син Цзыминя, и в его глазах, обычно таких ясных и безобидных, теперь плясало что-то соблазнительное и неотразимое.

Изящные черты лица, безупречная кожа, а под воротником проступали упругие красивые линии. У Син Цзыминя перехватило дыхание: он подумал, что если Су Е захочет, то вряд ли кто-то сможет устоять его искушению...

Су Е медленно потянул молнию на брюках Син Цзыминя — там уже явно наметался бугорок.

Его кончики пальцев время от времени касались ткани, словно дразня Син Цзыминя, заставляя обычно невозмутимого мужчину дышать всё тяжелее, а вены на лбу вздуваться одна за другой от напряжения.

Су Е поднял голову и намеренно подмигнул Син Цзыминю, и это чарующее выражение заставило того резко вдохнуть.

В этот момент Су Е наклонился к объекту своего внимания...

В квартире наполнились тяжелыми дыханиями и стонами. Син Цзыминь впервые в жизни почувствовал, как его мозг погрузился в белую пелену, испытывая невероятное блаженство...

Не знаю, сколько времени прошло, когда он почувствовал мощный прилив экстаза, ударивший прямо в мозг, и наконец, всё разрядилось.

Су Е, редко видевший Син Цзыминя в таком состоянии, улыбнулся и пошел в ванную привести себя в порядок.

<http://bllate.org/book/16648/1525698>